

Сы Юэ помнил, как в средней школе подрался с кем-то за воротами. Его тогда атаковали со спины, приложив кирпичом по затылку. Череп оказался крепче обожженной глины: голова не раскололась, лишь кровь залила всё лицо.

Но та старая травма не шла ни в какое сравнение с болью, которую он испытал только что. Казалось, кости дробят в пыль дюйм за дюймом, а из тела заживо вырывают жилы.

Когда приехал врач, Сы Юэ уже сидел на диване и играл в приставку с Бай Лу. Доктор в сопровождении двух ассистентов ворвался в дом с крайне встревоженным видом.

— Где пациент? — задыхаясь, спросил он.

Дядя Чэнь кашлянул и указал на двоих на диване:

— Тот, что слева.

— ...

По Сы Юэ было крайне трудно сказать, что он болен.

Бай Цзин был врачом общей практики в частной больнице семьи Бай и владел собственной лабораторией. Сейчас он практически не принимал пациентов, даже за огромные деньги. Девяносто процентов его практики составляли случаи, перед которыми пасовали другие медики.

Бай Цзянь лично позвонил в руководство больницы. Обычно поручения главы семьи передавали ассистенты вроде Цзянь Юня или Цзянь Юя. За исключением Бай Цзина, который видел Бай Цзяня на семейных банкетах по большим праздникам, другие руководители клиники никогда не общались с ним напрямую.

С того момента, как Бай Цзин начал собирать вещи и проверять оборудование в машине, и до самого выезда директор больницы обрывал ему телефон, словно если врач опоздает хоть на минуту, директора завтра же уволят.

Узнав, что помощь прибыла, Сы Юэ не стал заставлять людей ждать, пока он доиграет раунд. Он впихнул джойстик в руки Бай Лу, оправил одежду и поднялся.

Бай Цзину было за сто пятьдесят. Под белым халатом виднелась темно-синяя клетчатая рубашка. Он был немногословен: задал несколько базовых вопросов и распорядился провести полное обследование. Поскольку они были не в больнице, оборудования не хватало, но привезенных портативных приборов было достаточно. Пока ассистенты проводили замеры, врач следил за данными.

— Я запросил твои старые медицинские карты из других клиник, — сказал Бай Цзин, сидя за

столом в гостиной и прокручивая таблицы на экране. — Твой пульс, давление, уровень кислорода в крови... Все показатели, которые раньше были в пределах человеческой нормы, теперь выше обычного. Впрочем, на повседневную жизнь это не повлияет.

Ноутбук был подключен к приборам, и экран заполнили разноцветные кривые. Волны разной высоты и длины сменяли друг друга.

Бай Цзин был «своим» человеком. Он выглянул из-за монитора и внимательно посмотрел на Сы Юэ:

— Чувствуешь какие-то изменения в себе?

Сы Юэ закатал рукав:

— За ухом появилась чешуя.

— Это пустяки, нормальное явление. Гормональный фон людей и тритонов сильно различается. На ранней стадии их столкновение вызывает внешние изменения. На самом деле, если ты сейчас прекратишь чрезмерно близкие контакты с господином Бай Цзянем, то заметишь, что чешуя перестанет расти. Чешуйки — это поверхностное, временное проявление. Они лишь указывают на то, что у вас с господином Бай Цзянем была... интимная близость.

Сы Юэ: «!»

Бай Цзин продолжил изучать данные:

— Уровень гормонов сейчас выше нормы, но растет стабильно. С каждым новым скачком ты будешь чувствовать такую же боль, как сегодня. Когда показатели достигнут пика — предела выносливости твоего тела, — они начнут падать. И вот этот процесс снижения и есть само превращение в тритона. Твой иммунитет будет падать вместе с цифрами. Когда он достигнет критического минимума для тритонов, у тебя может случиться остановка сердца даже от глотка холодной воды. Я не пугаю тебя, просто как врач я обязан сообщить факты пациенту и его семье.

Бай Цзянь налил чашку чая и подал её Бай Цзину. Тот, польщенный и ошарашенный, вскочил, чтобы принять угощение.

Сы Юэ ответил на слова врача:

— Я примерно так всё и представлял.

Бай Цзянь говорил ему об этом, Бай Лу тоже упоминал. Большинство этих фактов можно найти в литературе или в документах на медицинских сайтах. Исследователи, работавшие с добровольцами, поминутно фиксировали каждое изменение. На поздних стадиях, даже если ученые дежурили посменно, не смыкая глаз, они всё равно не могли предугадать момент

внезапной смерти подопытного.

Они лишь могли фиксировать причины неудач эксперимента:

Разрыв легкого из-за обычного кашля.

Внезапная остановка дыхания во время еды.

Обратный ток крови к сердцу из-за введения питательного раствора.

Каждая причина провала заставляла исследователей содрогаться. Пропасть между биологическими видами невозможно перешагнуть легко, даже если ты готов заплатить за это всем, что у тебя есть. Вероятность неудачи оставалась пугающе высокой.

Бай Лу, примостившись на диване, потянул доктора за край халата:

— Дядя, не нагнетай жути.

Бай Цзин мягко шлепнул его по руке, заставив отпустить одежду.

— Как врач, я обязан предупредить о худшем исходе. Боль не будет частой, но каждый следующий приступ будет сильнее предыдущего. Когда показатели начнут падать и начнется процесс «очистки» и перестройки генома, боль исчезнет. Поскольку еще никто не проходил этот путь до конца, трудно гарантировать отсутствие побочных эффектов. Лично я считаю, что они будут. Даже обычные болезни оставляют след, а при генетической трансформации последствия могут быть куда серьезнее.

Бай Цзин помедлил и перевел взгляд на Бай Цзяня:

— Однако... если использовать гены Первопредка, риск значительно снизится. Это может даже свести к минимуму вероятность осложнений.

Бай Цзянь погладил Сы Юэ по голове, его взгляд смягчился:

— Сколько их потребуется?

— Чем больше, тем лучше, — негромко ответил Бай Цзин.

Разговор перешел в ту стадию, которую Бай Лу уже не понимал. Бай Цзянь помог Сы Юэ

встать со стула:

— Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Сы Юэ последовал за ним. Бай Лу проводил их взглядом, пока они не скрылись в коридоре второго этажа, а затем повернулся к доктору:

— Дядя, если тритон начинает терять чешую... это значит, он скоро умрет?

— М-м? С чего такие вопросы? — Бай Цзин распечатывал результаты анализов. — Беспокоишься о дедушке?

— Нет. О себе.

Сы Юэ увидел ту самую пробирку с очищенным геном Первопредка. Жидкость была нежно-голубого цвета и казалась замерзшей — твердой и прозрачной, как кристалл. Когда пробирку достали из криохранилища, от неё повалил густой белый пар. Сы Юэ вздрогнул от холода и невольно отступил на пару шагов.

Бай Цзянь встал перед ним, закрывая собой от ледяного воздуха. В пробирке было от силы миллилитров десять.

Сы Юэ заворуженно смотрел на голубую субстанцию. Казалось, сквозь стекло он видит того самого легендарного Первопредка с белым хвостом, чей взгляд в учебниках истории описывали как безжизненный и спокойный, словно стоячая вода.

— Бай Цзянь, как ты его убил? — внезапно спросил Сы Юэ.

— Он должен был умереть, — мягко ответил Бай Цзянь.

— ...

«Фирменное красноречие семьи Бай», — подумал Сы Юэ. — «Потрясающе информативно».

— И это нужно ввести в моё тело? — он коснулся пробирки. Температура была такой низкой, что кончик пальца пронзило острой болью.

— Не сейчас, — Бай Цзянь вернул пробирку на место и закрыл тяжелую дверь хранилища. — Мы введем это прямо в сердце, когда твои показатели упадут до минимума.

Сы Юэ легонько толкнул его плечом:

— Спасибо.

Бай Цзянь негромко рассмеялся:

— За что? Это то, что я должен сделать. Ты и так платишь сполна.

Когда они спустились, Бай Цзин сразу направился к ним. Он перевел взгляд с Сы Юэ на Бай Цзяня и произнес:

— У Бай Лу выпадает чешуя.

Бай Лу сидел на ковре и хлопал глазами:

— Да, я линяю.

Двое сотрудников в кислородных масках уже прыгнули в аквариум со специальными инструментами. Для тритона там было полно места, но для человека резервуар казался огромным — долго находиться под водой без снаряжения было невозможно.

Сы Юэ увидел, как один из рабочих поднял со дна несколько нежно-фиолетовых чешуек с белой каймой. Они выпали естественным путем, а не обломились. Самому Бай Лу, казалось, было всё равно — он беззаботно висел на бортике.

Сы Юэ не стал отталкивать прильнувшего к нему мальчишку и посмотрел на Бай Цзяня:

— У Чжоу Вэньсяо ведь есть решение?

Бай Цзянь взглянул на дядю Чэня. Тот мгновенно понял:

— Я свяжусь с ним.

Всего выпало около десятка чешуек. На дне наверняка оставались еще, но Бай Цзин сказал, что этого достаточно для оценки. Для молодого, растущего тритона потеря даже одной чешуйки — дурной знак, не говоря уже о такой горсти.

— Директор Чжоу последние годы бьется над проблемой дисплазии хвоста. Стоит пригласить его, — серьезно посоветовал Бай Цзин.

На самом деле Бай Лу интересовал его куда меньше, чем Сы Юэ. У тритонов не бывает таких ярких чувств к родным или друзьям, как у людей. Их эмоции от природы бледнее, поэтому болезнь или смерть близкого не вызывает у них душевного цунами. Для них это было бы слишком притворно и бессмысленно. По правде говоря, кроме Сы Юэ и дяди Чэня, даже Бай Цзянь не испытывал по этому поводу сильной тревоги или скорби. Ах да, еще был Бай Юанье.

Бай Лу прижимался к Сы Юэ, но смотрел на брата:

— Только не говори второму брату.

Сы Юэ нахмурился:

— Почему?

Бай Лу задумался.

— Мне кажется, он будет слишком сильно переживать.

Сы Юэ ущипнул его за щеку:

— А мне тогда зачем сказал?

В фиолетовых глазах Бай Лу отразилась кристальная чистота:

— Я хочу прожить подольше. Хочу, чтобы вы мне помогли.

Тритоны вроде Бай Цзяня или ассистентов Цзяня воспринимали родство скорее как протокол. Брат найдет врача, исполнит свой долг, обеспечит уход. Но вникать в прогресс разработки лекарства, тратить на это душевные силы... это не в их природе. Самые сильные и искренние чувства тритон отдает только своему партнеру. Остальные, кем бы они ни были, уходят на второй план. Кровные узы для них — лишь дополнительный слой обязательств.

На душе у Сы Юэ стало тоскливо. Бай Лу был тритоном и принимал это как данность, но он чувствовал, кому он небезразличен, и потому лип к Сы Юэ, не желая отпустить. В каком-то смысле это был инстинкт выживания.

— Я тоже больной, — проворчал Сы Юэ.

— И я, — эхом отозвался Бай Лу.

Аквариум почистили. Бай Цзин, приехавший в спешке, не ожидал проблем с младшим, поэтому наспех смешал лекарственный состав и влил его в воду.

— Полежи в этом четыре часа. Нужно продезинфицировать кожу и снять боль.

Бай Лу послушно нырнул. Его хвост показался над водой, плавник был похож на отрез фиолетового шелка. Глядя на эту красоту, невозможно было представить, что он болен.

Сы Юэ долго смотрел на него, пока Бай Цзин не шепнул:

— Тебе стоит больше беспокоиться о себе.

Вскоре Бай Лу уснул прямо в аквариуме, перевернувшись на спину. Его хвост лениво покачивался. Убедившись, что с ним всё в порядке и приступа, как в прошлый раз, нет, Сы Юэ с облегчением выдохнул.

Внизу поднялась суматоха, которая разбудила Вэнь Хэ. Когда Сы Юэ собрался искать Бай Цзяня, он увидел мать, спускающуюся по лестнице. Он замер.

— Что случилось? — увидев врача в белом халате, Вэнь Хэ сразу подумала о трансформации сына.

Сы Юэ среагировал мгновенно:

— У Бай Лу хвост разболелся, вызвали доктора посмотреть.

Вэнь Хэ глянула в аквариум, где кверху пузом плавал Бай Лу. В её понимании только мертвая рыба плавает животом вверх. Она побледнела:

— Он что, это...

— Спит он, спит, — Сы Юэ подошел к матери. — Мы тебя разбудили?

— Ты сам на себя не похож, — вблизи Вэнь Хэ заметила, какой он бледный. — Тебе плохо?

— Немного, — Сы Юэ притворно зевнул. Если сказать, что всё отлично, она не поверит, а признание легкого недомогания избавит от лишних вопросов.

Мать выдала целую кучу наставлений, а потом засыпала вопросами Бай Цзина. Тот, будучи человеком семьи Бай, знал, как отвечать. Раз Сы Юэ скрыл инцидент с болью, врач тоже не стал вдаваться в подробности — желания пациента прежде всего.

Сы Юэ проводил мать до самой двери спальни. Как только она закрылась, улыбка сползла с его лица.

Тоска. Глухая, раздражающая тоска. И выплеснуть её было не на кого. Кроме Бай Цзяня.

Дядя Чэнь как раз передал Бай Цзяню новости от Чжоу Вэньсяо. Обычно сдержанный ученый был так возбужден, что его энтузиазм чувствовался даже через трубку.

— Директор Чжоу говорит, что максимум через неделю они начнут набор волонтеров. Но процесс лечения будет долгим. Он не уверен, сможет ли молодой господин Бай Лу ждать так долго. Если он захочет попробовать, нужно его согласие. Директор готов приехать лично на следующей неделе и сам курировать осмотры.

— Спроси у Бай Лу, — распорядился Бай Цзянь.

Выходя из малой гостиной, дядя Чэнь столкнулся с мрачным Сы Юэ. Тот посторонился, пропуская дворецкого, и зашел внутрь.

Стояла хорошая погода, дожди прекратились, и зелень в саду буйно пошла в рост. Ряд лилий у окна за пару дней вымахал так, что их бутоны уже покачивались на уровне террасы. Окно было открыто, и Сы Юэ почувствовал их тонкий аромат.

Бай Цзянь стоял у книжного шкафа. Он не обернулся, даже когда Сы Юэ подошел вплотную — будучи тритоном, он почувствовал его приближение еще у дверей.

Сы Юэ тяжело вздохнул.

— Что такое? — Бай Цзянь держал в руках две книги. На нем не было очков, и Сы Юэ мог ясно видеть тепло в его глазах. Бай Цзянь действительно напоминал весну. По крайней мере, для него. Для остальных — вряд ли.

— Бесит всё, — Сы Юэ запустил пятерню в волосы.

Бай Цзянь осторожно, прядь за прядью, пригладил его вихры. Он смотрел на юношу сверху вниз, видя в его глазах тревогу и беспокойство. Ему не нужно было спрашивать — он и так знал причину. Сы Юэ был таким: на неважные вещи он забивал, но если что-то шло не по его плану в деле, которое ему дорого, он мгновенно терял самообладание.

— Я больше не пойду в университет, — сказал Сы Юэ.

Бай Цзянь кивнул:

— Хорошо. Я попрошу дядю Чэня связаться с деканатом.

— И в институт тоже.

— Как скажешь. Цзянь Юй уладит дела.

Бай Цзянь соглашался на всё. Это были те ответы, которых Сы Юэ и ждал, но от этого спокойствия ему стало еще неуютнее.

— Бай Цзянь, как у тебя это получается? — Сы Юэ склонил голову набок. Его голос звучал ровно. — Как тебе удастся оставаться таким спокойным, что бы ни случилось?

— Я не питаю лишних иллюзий, поэтому любой результат оказывается в рамках ожидаемого. — Бай Цзянь достал книгу «Сказки» и вложил её в руки Сы Юэ. — Почитай вот это.

Сы Юэ: «...»

— К тому же... — Бай Цзянь снова шутливо взлохматил его волосы, — днем, когда тебе было больно, я не был так уж спокоен.

— Я знаю, — выдохнул Сы Юэ. — Но меня всё равно всё бесит. Мне приходится врать маме, я не хочу её волновать, но когда скрываю правду — чувствую вину. Само это превращение... я чувствую себя виноватым перед ней. Что бы я ни делал, мне тошно.

— Какого ответа ты ждешь от меня? — Бай Цзянь коснулся лица Сы Юэ и наклонился так близко, что их носы соприкоснулись. Его тон был легким, почти шутливым.

Но в глубине его глаз не было и тени улыбки. Сы Юэ словно прирос к полу.

— Если я скажу, что жалею об этом, потому что не выношу твоих слез и боли? — вкрадчиво произнес Бай Цзянь, перебирая пальцами прохладную мочку его уха. — Что ты мне ответишь? Помнишь свои слова? «Не смей говорить „забудем об этом“». Если я предложу прекратить, ты назовешь меня предателем и ветреником.

— Тебе восемнадцать, ты ничего не боишься, и я рад быть твоей опорой. Ты хотел в институт — я приставил к тебе лучших учителей. На каждый твой шаг я предупреждаю о рисках, и даже если я не в восторге от твоих идей, твоё счастье важнее. Моя задача — создать условия, в которых ты сможешь позволить себе быть безрассудным.

— Но, А-Юэ, риск трансформации я за тебя не приму. Я могу лишь постараться его снизить. Ты и сам понимаешь: это азартная игра с высокими ставками. Я — тот, кто получит выгоду в итоге, поэтому я не имею права требовать от тебя согласия или остановки. Ты слишком прямолинеен, А-Юэ, поэтому любой человек или обстоятельство могут выбить тебя из колеи, — Бай Цзянь убрал руку и отступил на пару шагов, возвращая книгу на полку. — Но если ты хочешь крикнуть «стоп» — я могу...

— Я не хочу останавливаться! — перебил его Сы Юэ и с разбегу уткнулся лбом в грудь Бай Цзяня, крепко обхватив его за талию. — Я просто... просто на мгновение сорвался.

Он не был слепым и видел ту тоску, что промелькнула во взгляде Бай Цзяня.

— Я просто... — Сы Юэ поднял лицо и звонко чмокнул его в губы. — Просто понуть хотел. Мне больше некому жаловаться.

Раньше он всегда срывал зло на отце. Теперь же он судорожно соображал, как задобрить Бай Цзяня. Пока он думал, его внезапно прижали к книжному шкафу. Бай Цзянь подставил ладонь под его поясницу, смягчая удар о твердое дерево, но инерция всё равно была сильной — сверху с тихим стуком упало несколько тяжелых томов.

Сы Юэ посмотрел в серебристые глаза тритона, и по его спине пробежал холодок. Но Бай Цзянь вдруг негромко рассмеялся.

— Чего ты дрожишь? — спросил он.

— Я? Разве? — пробормотал Сы Юэ.

— Я не злюсь. То, что я сказал — это то, что я давно хотел донести до тебя, — Бай Цзянь мельком глянул на покрасневшие уши юноши и понизил голос. — Расслабься. Сегодня я тебя не трону.

Сы Юэ замер и выпалил:

— Почему?!

Его поспешность была странной, но по-своему логичной. Молодость, горячая кровь.

Бай Цзянь прошептал ему на ухо:

— Трансформация требует постепенности. Тише едешь — дальше будешь. Слишком частые «вливания» превысят предел выносливости твоего тела и могут привести к генетическому сбою. Проще говоря... ты можешь стать дурачком.

Сы Юэ: «!» Он невольно вытаращил глаза.

— Серьезно?

— Угу.

Сы Юэ всерьез задумался над этими словами. Он нахмурился, и в этот момент Бай Цзянь внезапно ущипнул его за щеку.

— Так ты хочешь, чтобы я тебя тронул?

— !

Сы Юэ прекрасно понял, на что намекает Бай Цзянь. Он начал озираться по сторонам, пытаясь скрыть смущение.

— Да ладно тебе... Я просто спросил. Тяга к знаниям — это добродетель.

На этот раз Бай Цзянь рассмеялся в голос. Серебро в его глазах сменилось привычной чернотой, в которой четко отражалось лицо Сы Юэ. Он редко смеялся так открыто.

Отчужденность исчезла, уступив место бесконечной нежности.

— Ты чего смеешься? — пробормотал Сы Юэ.

— Ты совсем не умеешь врать. Это сразу видно, — Бай Цзянь заключил его в кольцо своих рук, прижимая к шкафу, и поцеловал в веко. Улыбка всё еще слышалась в его голосе. — Раз не умеешь — лучше и не начинай.

Сы Юэ промолчал. Врать он и правда не умел.

— Тогда... а целоваться? Целоваться-то можно? — он вцепился в одежду Бай Цзяня. — Не может же быть так, что мне разрешено целовать тебя только раз в неделю? Тогда какой смысл становиться тритоном? Доктор хочет обречь меня на воздержание!

— Я не говорил, что нельзя целоваться.

Видя его нетерпение, Бай Цзянь обхватил лицо Сы Юэ ладонью и коснулся губами кончика его носа, а затем медленно спустился к губам.

— Открой рот, — прошептал он.

Язык тритона принялся исследовать каждый уголок рта Сы Юэ. Поцелуи Бай Цзяня становились всё менее сдержанными — яростными, захватническими, совершенно не вяжущимися с его мягкой внешностью. Сы Юэ почувствовал, как воздух в легких заканчивается. Он попытался слегка отстраниться, но Бай Цзянь был непоколебим.

Слюна тритона была прохладной, но во рту Сы Юэ она постепенно согревалась до температуры человеческого тела. Все чувства обострились, а реальность начала расплываться. Сы Юэ не заметил, как из уголка его глаза скатилась слезинка.

Когда Бай Цзянь наконец отпустил его, Сы Юэ не мог вымолвить ни слова.

— Почему плачешь? — шепнул Бай Цзянь ему на ухо. — Ты же сам хотел поцелуев. Обиделся? Вот станешь тритоном — я разрешу тебе целовать меня так же, договорились?

— Правда? — голос Сы Юэ вернулся, охрипший и слабый. Он посмотрел на партнера покрасневшими глазами. — Мой язык тоже станет длиннее?

— Скорее всего.

Бай Цзянь принялся поправлять одежду Сы Юэ. Тот стоял неподвижно, не мешая, и вдруг вспомнил:

— Если я не буду ходить в университет, как мне учиться?

— Я найму преподавателей, которые будут приходить сюда. Или можешь учиться сам. Если у меня будет время, я тоже могу позаниматься с тобой.

Сы Юэ подумал и кивнул:

— Ладно.

Вообще-то он любил атмосферу кампуса. Но ради спокойствия матери и Бай Цзяня придется «прогуливать» со слезами на глазах.

— Тогда сегодня я буду играть в приставку всю ночь, — начал он планировать жизнь вне расписания. — Буду спать сколько влезет...

— Никаких ночных бдений, — оборвал его Бай Цзянь, бросив на него строгий взгляд. — Твой организм сейчас не вынесет отсутствия сна. Это ударит по иммунитету.

Сы Юэ уставился на него, не проронив ни слова. Бай Цзянь вздохнул. Сы Юэ уже решил, что тот пойдет на уступки — например, разрешит лечь на пару часов позже, — но Бай Цзянь лишь ущипнул его за щеку:

— Сейчас собери свои вещи. С сегодняшнего дня ты спишь в моей комнате.

И дело было не только в контроле режима, но и в том, чтобы Сы Юэ всегда был под присмотром на случай внезапного приступа. Сы Юэ долго молчал.

Бай Цзянь наклонился, чтобы поднять упавшие книги:

— О чем задумался?

— Мы будем просто спать? — неуверенно уточнил Сы Юэ.

Бай Цзянь выпрямился. Его взгляд стал многозначительным.

— А почему ты спрашиваешь? — задал он встречный вопрос.

Сы Юэ не понял подвоха:

— В смысле?

Бай Цзянь сделал шаг к нему — они снова оказались так близко, что их дыхание смешивалось. Он смотрел в глаза Сы Юэ с загадочной улыбкой, в которой сквозило неприкрытое лукавство:

— А-Юэ, угадай сам: чем еще могут заниматься партнеры в одной постели, кроме сна?

<http://bllate.org/book/14657/1301540>